

Своеволин Александр Иванович

соискатель кафедры социологии,
политологии и права
Института по переподготовке
и повышению квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук
Южного федерального университета (ИППК ЮФУ)
тел.: (863) 264-19-12

**АКТУАЛИЗАЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО
В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ
ВОЗЗРЕНИЯХ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ**

Аннотация:

В статье проводится анализ современного исторического нарратива. Автор говорит о многообразии конкурирующих историософских воззрений и актуализации надления исторических сюжетов и образов политико-идеологическими смыслами.

Ключевые слова:

историческое прошлое, идеологические практики, историософия, историческое сознание, «мобилизация прошлого».

Svoevolin Alexander Ivanovich

post-graduate student of the chair of
sociology, politology and law,
Institute for retraining and advanced training of
teachers of humanitarian and social sciences,
Southern Federal University
tel.: (863) 264-19-12

**ACTUALIZATION OF
HISTORICAL PAST
IN MODERN
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL
VIEWS AND IDEOLOGICAL
PRACTICES**

The summary:

The article analyzes the modern historical narrative. The author tells about the diversity of competing historiographical views and actualization of giving historiography and historical scenes and images political and ideological significance.

Keywords:

historical past, ideological practices, historiography, historical consciousness, "Mobilization of the Past".

Российская интеллектуальная элита, не способная пока что прийти к консенсусу относительно будущего страны, продолжает спорить и о прошлом, конструируя его различные образы. Апелляция к историческому прошлому, политико-идеологическое обоснование с его помощью различных проектов преобразований – все это предопределяет социально-философскую рефлексию феномена актуализации исторического прошлого в аспекте конкуренции различных философско-исторических воззрений и проблематики «мобилизации прошлого» в идеологической практике современной политической и интеллектуальной элиты.

Известный специалист по проблемам методологии исторического познания, философ и историк А.В. Лубский подчеркивает, что развитие исторического познания в XIX–XX вв. сопровождалось не плавным накоплением научных знаний (кумулятивная теория), не «сменой парадигм» (теория научных революций), а «когнитивными прорывами» и возникновением новых моделей исторического исследования в условиях сохранения методологического потенциала старых. «Поэтому развитие исторического познания сопровождалось острой конкуренцией различных моделей исторического исследования, доходящей до эпистемологического ригоризма». В современном историческом познании в условиях методологического плюрализма взаимодействуют различные модели исторического исследования, составляя конкурентное пространство исторической эпистемологии. В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную дисциплину», в когнитивное поле многообразных мнений и интеллектуальных «языковых игр», вследствие которых историческая реальность растворилась во множестве теоретических конструкций и концептов, смысловых миров и метафорических значений [1, с. 336–337].

Иначе говоря, речь приходится вести о новой историософии, отражающей понимание истории в символах, смыслах, экзистенциалах и смыслообразях. В историософской парадигме как системе теоретико-методологических установок, содержащих эпистемологические идеалы, задающие проблемное поле исторического исследования, история представляется онтологической символизацией некоторой превосходящей ее реальности. Базовыми компонентами содержания историософской парадигмы выступают модели объяснения и схемы интерпретации и исторический горизонт [2].

Важной составной частью становления новой историософии стала «актуализация исторического прошлого». В сущности, всякое общество в периоды кризисов и социальной неопре-

деленности сталкивается с феноменом актуализации прошлого. «Россия переживает сегодня кризис своих исторических оснований, – полагает И.К. Пантин. – Закончился огромный исторический цикл догоняющего развития России. Громадной стране с богатой и противоречивой историей предстоит заново обрести свою идентичность» [3, с. 27]. При этом философы обращают внимание на то, что в последней трети XX в. методологические основы исторического познания были потрясены «постмодернистским вызовом».

Прошлое стало чрезвычайно актуализированным, историческое знание зачастую является зеркальным отражением настоящего. Историческому знанию перестали доверять, оно стало слишком ангажированным и идеологизированным, чтобы казаться истинным, или хотя бы правдивым [4, с. 4].

Российская политическая и интеллектуальная элита до сих пор не может прийти к согласию относительно желательного будущего страны. Поэтому она продолжает бескомпромиссно спорить и о прошлом, предлагая его разные и несовместимые образы. В глазах одних оно светлое и заслуживающее реставрации, в глазах их оппонентов – проклятое и подлежащее не возрождению, а преодолению [5, с. 9]. Недаром в исторической науке и общественном сознании так часто можно встретить сетования по поводу фальсификации истории. По большому счету речь идет о вызовах, которые ставит перед историей и другими социальными науками наша эпоха. Будущее науки истории зависит от того, сумеет ли она дать на них достойный ответ. М.Ямпольский обращает внимание на то, что усложнение социальной ткани и возникновение множества групп, находящихся между собой в сложных отношениях, делают модель коллективной памяти более адекватной для современности [6].

По справедливой оценке Г.И. Зверевой, современные «историософские» тексты отличаются друг от друга идейно-политическими концепциями, закрепленными в различных дискурсивных формациях, то есть разным сочетанием «готовых» (содержательно непроблематизируемых) риторических конструкций, которые, будучи представлены в определенном наборе, способны выглядеть как конкурирующие друг с другом способы высказывания. Они располагаются в широком диапазоне между либеральной миросистемностью и почвенническим изоляционизмом (А. Ахиезер, В. Кантор, И. Кондаков, И. Яковенко, Ю. Пивоваров, А. Фурсов, В. Цымбурский, В. Ильин, А. Панарин, А. Дугин, О. Платонов, Е. Троицкий и др.). С точки зрения идейно-политической концепции их авторов условно можно отнести к таким направлениям, как неолибералы, неоконсерваторы, неоевразийцы, традиционалисты-почвенники. Границы между этими направлениями (точнее, стилями мышления) весьма относительно и размыты. Сами направления (их наименования) также достаточно условны и трудносоотносимы с привычными для западного сознания критериями деления [7, с. 296.]

В связи с полемикой о месте России в истории и современном мире уже в 1990-е гг. конструируется концептосфера новой историософии. При этом отторжение советского прошлого причудливо переплеталось в массовом сознании с симпатиями к советской упорядоченной повседневности, с ностальгическими воспоминаниями о советском образе жизни. Отношение к прошлому становилось одним из главных политических вопросов, активно воздействуя на содержание идеологических практик различных субъектов преобразований. По оценкам Т.И. Кутковец и И.М. Клямкина, наступили времена, требующие расшифровки того, что еще недавно казалось столь ясным и очевидным. Эпоха конкуренции слов сменялась эпохой конкурирующих смыслов этих слов [8, с. 140].

В ходе становления новой историософии неизбежно возникают и подвергаются рефлексии вопросы, связанные с влиянием исторической специфики России на современные процессы преобразований. В чем причины многочисленных срывов модернизации в истории страны? Пройдена ли «крайняя точка» социального и национального распада в современной России, если, конечно, она существует? Возможно ли возрождение традиционных ценностей российского общества, вокруг которых интегрировалось на протяжении веков национальное самосознание? Эти и многие другие вопросы – предмет споров и многочисленных дискуссий.

Общими «точками» столкновения различных теорий и концепций являются: цивилизационная специфика России, определение России как периферии мира или как духовно-культурного центра грядущего мира, «особый путь» России, авторитаризм или демократия, механизм социальной трансформации и модернизации, социально-философское осмысление исторического прошлого.

Многие современные «конструкторы» и производители идеологий воспринимают различные идеи из многообразия конкурирующих историософских воззрений. Так, В. Сурков активно стремится совместить демократию (через определение «суверенная») с русской исторической и культурной традицией [9]. Традиция во многом предопределяет, по Суркову, ту специфику современной российской демократии, которая хотя и не нравится западным критикам режима Влади-

мира Путина, однако для современной России является, по Суркову, единственно политически возможной. Он говорит: «Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии. Он жизнеспособен в той мере, в какой естественен, то есть национален». Своеобразие диктуется, по Суркову, прежде всего «архетипическими, неотменяемыми свойствами русской политической культуры», ее «матрицей». Главное для него – сильная центральная власть, которая «на протяжении веков собирала, скрепляла и развивала огромную страну, широко разместившуюся в пространстве и времени, проводила все значимые реформы». От эпохи создания централизованного государства непринужденно перекидывается мостик в современность: «Наличие могущественного властного центра и сегодня понимается большинством как гарантия сохранения целостности России – и территориальной, и духовной, и всякой. На практике: стягиванию российских земель к центру, в единое целое государство служит процедура наделения губернаторов полномочиями по представлению президента. А также административный аппарат федеральных округов» [10].

Таким образом, в ходе созидания новой российской государственности построения историософии приобрели качества емких «свободных» формул и продолжают активно использоваться для создания новых идеологием в «стратегии мифологизации» прошлого. Как полагает известный отечественный историк А.И. Миллер, политизация истории – «неизбежная и неизбежная вещь». Она начинается уже на индивидуальном уровне: в своих исследованиях всякий историк в большей или меньшей степени находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации.

В ходе развернувшейся в России социальной трансформации «конструируемое историческое прошлое» остается неустойчивым, интерпретации его сюжетов и образов меняются на каждом новом этапе нашей истории. Налицо, как полагает И.И. Глебова, «идеи реванша прошлого, «отката демократии», реставрации, отдающие нас в плен новых иллюзий, так же затемняющих действительность, как прежние» [11, с. 5]. В обществе отсутствует согласие относительно желательного будущего страны, отсюда и неугасающая полемика об историческом прошлом. Это прошлое не отпускает настоящее, неразрешенные ранее проблемы и противоречия не исчезают, их приходится преодолевать сегодня. В результате формируется исторический нарратив власти, обусловленный ее политическими претензиями и идеологическими мотивациями. В зависимости от политического устройства, «вычленяются» конкретные блоки исторической памяти, необходимые для формирования определенной идеологической модели.

В 1990-е гг. происходят кардинальные изменения в обществе, политическом устройстве, экономической политике, жизненном укладе. «За время реформ произошли две революции, – пишет А. Рубцов. – Сначала поменялся сам уклад жизни, и мы незаметно очутились в совершенно другой стране – с другими проблемами и возможностями, опасностями и перспективами, с другими правилами и инструментами выживания. Но в бытовой идеологии для многих все это еще долго оставалось чем-то случайным и временным, ошибочным или просто преступным. Реформы состоялись «физически», но не экзистенциально. Страна изменялась в эмоциональном надрыве, под стенами о гибели, развале и близкой катастрофе». Одни в этой реальности нашли себя; другие, стиснув зубы, приспособились; третьи обреченно смирились. «Первые годы изменили реальность, следующие – отношение к ней» [12].

Историческое сознание обретает функцию социальной регуляции. Эмоционально нагруженные представления об исторических фактах, событиях, выдающихся деятелях, героях и антигероях, играют роль ценностных ориентиров, определяющих оценку современной действительности и поведение людей. При этом важнейшая составляющая исторического сознания – чувство гордости за историческое прошлое своего народа. Именно оно обуславливает его национальное достоинство и позитивную идентичность. И.И. Глебова говорит о том, что образы прошлого участвуют в конструировании и осмыслении, постоянной интерпретации политики, способствуя ориентации человека в этом мире [13].

Ф. Синельников пишет, что в современной России можно увидеть повсеместное присутствие «советских идеологических элементов». В центре Москвы на Красной площади стоит мавзолей Ленина, за которым расположен советский некрополь, над которым на кремлевских башнях продолжают светиться установленные Сталиным рубиновые пентаграммы – магические символы Третьей державы. Нахождение в самом центре государства мумии первого советского вождя структурирует вокруг нее политическое пространство России. При Путине ситуация с памятниками советским вождям стала еще более впечатляющей. Стал реанимироваться образ Сталина. Примечательно и то, какие символы российского исторического прошлого восприняла ныне существующая держава. Российский бело-сине-красный триколор впервые обрел статус, аналогичный статусу государственного флага, только при Александре III, то есть уже на

стадии деградации Второй державы. При Александре II и уже окончательно при Александре III российский двуглавый орел принял тот образ, который был использован в качестве герба РФ. Современная эклектическая идеология, соединяющая в себе советские и традиционные исторические элементы российской государственности, может рассматриваться как прямое продолжение эволюции государственнической доктрины Третьей державы. Во второй половине правления Сталина советская государственная доктрина была дополнена декоративными элементами старой русской государственности (национальная риторика, дореволюционные воинские звания, ордена русских военачальников, введение министерств вместо комиссариатов, некоторое послабление РПЦ и т.д.). После 1991 г. политический эклектизм вышел на новый уровень. Политическая элита РФ, официально взявшая курс на построение демократического государства с рыночной экономикой, на вхождение, пусть с оговорками и проволочками, в выстраиваемую Западом глобальную модель, не отказывается от использования политических символов и образов тоталитарного режима. Стремление к сохранению наследия тоталитарного режима прямо связано с возводимыми державной системой препятствиями формированию в России гражданского общества и национального демократического государства [14].

Направления общественных споров и конкуренция исторических воззрений в значительной степени определяются идеологическими задачами создания новой российской идентичности на основе конструирования исторического прошлого как пространства общезначимых мест коллективной памяти. Недаром история России предстает в отечественных учебниках как монблан разного рода событий, фактов из государственной, экономической, культурной жизни страны; описаний деятельности царей и вождей, войн, побед и поражений. Моральные оценки, которыми сопровождаются те или иные события прошлого и деятельность исторических лиц, носят на себе явный отпечаток доминирующей на момент выхода в свет учебника политической идеологии [15].

В условиях «мобилизации прошлого» власть берет на вооружение «борьбу с фальсификаторами». Весной 2009 г. была учреждена комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Основными задачами комиссии были определены «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа РФ, и подготовка соответствующих докладов президенту РФ». Кроме того, комиссия должна будет выработать стратегию противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, готовить соответствующие предложения президенту по осуществлению конкретных мер противодействия и адекватному реагированию на попытки фальсификации и по нейтрализации их возможных негативных последствий.

Наделение исторических сюжетов и образов политико-идеологическими смыслами, выступающими как «мобилизация прошлого», мало эффективно и социально опасно, особенно в условиях, когда общество, обладающее слабыми элементами плюрализма и демократии, не способно этому сопротивляться. По этому поводу С.А. Королев подмечает, что история, как известно, делает свою работу очень медленно. Пространство власти, социальное пространство, которое власть преобразует в соответствии с собственными представлениями и интересами, остается достаточно обширным. Люди остаются несовершенными и интеллектуально, ментально уязвимыми.

Сегодня в обществе отсутствует согласие относительно желательного будущего страны, отсюда и неухающая полемика об историческом прошлом. В результате формируется исторический нарратив власти, обусловленный ее политическими претензиями и идеологическими мотивациями. В зависимости от политического устройства, «вычленяются» конкретные блоки исторической памяти, необходимые для формирования определенной идеологической модели. Обращение к прошлому становится одним из источников легитимации политических предпочтений. Происходит инструментализация прошлого ради конкретных политических целей. Историческое сознание обретает функцию социальной регуляции. Эмоционально нагруженные представления об исторических фактах, событиях, выдающихся деятелях, героях и антигероях, играют роль ценностных ориентиров, определяющих оценку современной действительности и поведение людей.

Изменение политической системы и демократизация общественной жизни способствовали возрождению таких идеологий, как либерализм, консерватизм, радикальные политические течения. Однако новым идеологиям не удалось полностью заполнить образовавшийся после крушения былой идеологической монополии духовный и психологический вакуум, что отразилось в тенденциях деидеологизации и широкого применения политических и информационных технологий, а взаимные разоблачения выливаются в настоящую «войну мифов».

Ссылки:

1. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2004.
2. Мельникова С.В. Историософская парадигма в проблемном поле исторических исследований: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2006.
3. Пантин И.К. Драма российских реформ и революций // Империя и либералы. СПб., 2001.
4. Лубский А.В. Указ. соч.
5. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2008.
6. Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.
7. Зверева Г.И. Новая российская историософия: риторические стратегии и прагматика // Феномен прошлого. М., 2005.
8. Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи // Полис. 1997. № 2.
9. Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Тексты 97-07. М., 2008. С. 9–28.
10. Там же.
11. Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М., 2006.
12. Рубцов А. Призрак свободы. Путинская Россия между либеральным и неототалитарным проектами // Знамя. 2001. № 1.
13. См.: Глебова И.И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: автореф. дисс. ... докт. полит. наук. М., 2007.
14. Синельников Ф. Циклы российского великодержавия и современность. URL: www.swentan.ru/
15. Зверева Г.И. Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // НЛО. 2005. № 74.

References (transliterated):

1. Lubskiy A.V. Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya. M., 2004.
2. Mel'nikova S.V. Istoriosofskaya paradigma v problemnom pole istoricheskikh issledovaniy: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Habarovsk, 2006.
3. Pantin I.K. Drama rossiyskih reform i revolyutsiy // Imperiya i liberaly. SPb., 2001.
4. Lubskiy A.V. Op. cit.
5. Ahiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo? M., 2008.
6. Yampol'skiy M. Nastoyashchee kak razryv. Zаметki ob istorii i pamyati // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. No. 83.
7. Zvereva G.I. Novaya rossiyskaya istoriosofiya: ritoricheskie strategii i pragmatika // Fenomen proshlogo. M., 2005.
8. Kutkovets T.I., Klyamkin I.M. Russkie idei // Polis. 1997. No. 2.
9. Surkov V. Russkaya politicheskaya kul'tura. Vzgl'yad iz utopii // Teksty 97-07. M., 2008. P. 9–28.
10. Ibid.
11. Glebova I.I. Kak Rossiya spravilas' s demokratiey: zametki o russkoy politicheskoy kul'ture, vlasti, obshchestve. M., 2006.
12. Rubtsov A. Prizrak svobody. Putinskaya Rossiya mezhdru liberal'nym i neototalitarnym proektami // Znamya. 2001. No. 1.
13. See: Glebova I.I. Obrazy proshlogo v strukture politicheskoy kul'tury Rossii: avtoref. diss. ...dokt. polit. nauk. M., 2007.
14. Sinel'nikov F. Tsikly rossiyskogo velikoderzhaviya i sovremennost'. URL: www.swentan.ru/
15. Zvereva G.I. Konstruirovaniye kul'turnoy pamyati: «nashe proshloe» v uchebnikah rossiyskoy istorii // NLO. 2005. No. 74.